

элементами остается в силе как в том, что касается структуры (в одном случае она субъективная, в другом — объективная), так и в том, что касается числа терминов (в одном случае их много, в другом — немного).

Итак, возникает вопрос: не можем ли мы вступить в диалог с лингвистами при таком представлении о социальной структуре? На предыдущем заседании Роман Якобсон выделил фундаментальные свойства индоевропейских языков. В них, говорил он, наблюдается разрыв между формой и содержанием, многочисленные исключения из правил, большая свобода в выборе средств для выражения одной и той же идеи. Разве все эти свойства не напоминают того, что мы сказали по поводу социальной структуры?

Для того чтобы правильно определить отношения между языком и культурой, необходимо, как мне представляется, с самого начала исключить две гипотезы. Согласно первой из них, между этими двумя системами вообще нельзя проследить никакого отношения. Согласно второй, имеет место тотальное соответствие между ними на всех уровнях. В первом случае нам пришлось бы иметь дело с неартикулированным и измельченным человеческим духом, состоящим из множества комнат, между которыми невозможна никакая коммуникация; эта поистине странная ситуация не имела бы аналога в других областях психической жизни. Но если соответствие между языком и культурой было бы абсолютным, лингвистам и антропологам не пришлось бы дискутировать здесь по этому вопросу.

Моя рабочая гипотеза является, следовательно, промежуточной: между конкретными сторонами и конкретными уровнями возможны некоторые виды соответствия, и речь для нас идет о нахождении этих аспектов и этих уровней. В этом поиске могут сотрудничать антропологи и лингвисты. Но основную выгоду от этих открытий получит не антропология и не лингвистика в их современном понимании — открытия эти обогатят, прежде всего, науку новую и вместе с тем древнюю, антропологию в широком смысле этого слова, то есть познание человека, объединяющее в себе различные методы и различные дисциплины; познание, которое со временем откроет нам скрытые пружины, движущие не приглашенным, но присутствующим на нашем диспуте гостем — человеческим духом.

Перевод Л.А.Мостовой

Мостова Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой культурологии Московского авиационного института.

ГРЕГОРИ БЕЙТСОН

КУЛЬТУРНЫЙ КОНТАКТ И СХИЗМОГЕНЕЗ*

От переводчика

Грегори Бейтсон (1904–1980) — англо-американский ученый и мыслитель. Родился в семье с богатыми интеллектуальными традициями (отец — Уильям Бейтсон, известный генетик). С детства глубоко впитал тот дух широкого энциклопедизма и неустанного научного поиска, который в Новое время был так свойствен английской научной школе, что и помогло ему создать поистине уникальный синтез самых разных дисциплин (антропологии, социологии, психологии, психиатрии, зоологии, кибернетики, теории систем и т.д.). Несмотря на то, что Г.Бейтсон внес оригинальный вклад в антропологию (новаторские методы анализа, в том числе и один из первых опытов применения в антропологическом исследовании методов фото- и кино съемки; понятие схизмогенеза, новый подход к изучению первобытного искусства и т.д.), психиатрию (теория семейного генезиса шизофрении, концепция «двойной связи», или «двойного зажима»), зоологию и этологию (прежде всего, изучение игры у животных), психологию (та же теория игры, концепция «дейтеронаучения», концепция «рамок»), семиотику, коммуникативистику (анализ метакоммуникации), теорию эволюции, экологию, предложил ряд трудно поддающихся отнесению к той или иной дисциплине новаторских теоретических разработок (теория алкоголизма, исследование «формы» и «паттерна» как таковых, исследование природы «смысла», изучение роли «контекстов» в процессе эволюции и т.д.), имя его довольно редко упоминается в научной литературе по этим дисциплинам — и именно в силу самой неидентифицируемости Бейтсона ни с одной из этих специализированных дисциплин. Бейтсон

* Перевод очерка «Культурный контакт и схизмогенез» выполнен В.Г.Николаевым по изданию: Bateson G. Steps to an Ecology of Mind. L.: Intertext Books, 1972. P. 61–72. Целиком вся дискуссия, частью которой стала эта статья, опубликована в сборнике *Beyond the Frontier* под редакцией Пола Боханнона и Фреда Плога. Она воспроизведена без изменений по первой публикации: *Man*, Article 199, Vol. XXXV, 1935, с разрешения Королевского Антропологического Института Великобритании и Ирландии.

Грегори Бейтсон (1904–1980) — известный американский социальный ученый, автор ряда концепций междисциплинарной направленности.

настолько далек от дисциплинарных границ, что так и остался где-то «между» институционализированными дисциплинами, в той «ничейной земле», которая в условиях господства в науке принципа специализации почти стопроцентно гарантирует ученому «посмертную безвестность». Но что любопытно, то тут, то там в современных журнальных публикациях встречаются ссылки на него, причем самые лестные: как на автора наиболее эвристически ценной теории игры, как на создателя альтернативного подхода в британской социальной антропологии, более того, как на спасителя антропологического «функционального анализа», сумевшего-таки преодолеть грубые метафоры и биологизаторские аналогии, идущие от Малиновского, разорвать порочный круг метафизического постулирования биологических или прочих «потребностей» как функциональных предпосылок существования социальных систем и убедительно привязать этот подход к психологии в своей концепции «схизмогенеза». Не говоря уж о том, что бейтсоновская трактовка генезиса шизофрении (патогенная роль социального окружения, прежде всего, семьи и ситуация «двойного зажима», вызывающая существенную деформацию метакоммуникативных навыков) сыграла в свое время важную роль в таком движении, как «антипсихиатрия», и, кажется, до сих пор сохраняет свое значение, разумеется, не как исчерпывающее объяснение, а как пронизательный анализ одного из аспектов генезиса этой «болезни». Именно у Бейтсона взял Э.Гоффман понятие «рамка» — ключевое понятие разработанного им в последние годы жизни «рамочного анализа». При всем при том ссылки эти, далеко не все из которых здесь перечислены, имеют, так сказать, точечный характер, то есть не характеризуют Бейтсона целиком, во всей его полноте. Полного образа интеллектуальной работы Бейтсона попросту нет, ибо нет такой широкой «системы координат», в которой мы бы могли адекватно ее «разместить» и увидеть ее тем самым как целостную и гармоничную. Слишком легко Бейтсон соединял факты из ботаники с фактами поведения животных, а последние — с фактами социальных взаимодействий человека; слишком легко он соединял кибернетику и математическую «теорию игр» фон Неймана и Моргенштерна с бихевиоризмом (причем чуть ли не в классическом его варианте), последний с психоанализом, а социологию с зоологией. Такую широкую «систему координат» Бейтсон, собственно, и пытался создать, назвав эту новую науку «экологией разума». Следует, между тем, заметить, что сам Бейтсон отказался

от претензий на создание *de facto* такой науки, лишь установив ее необходимость *de jure* и считая ее развитие делом будущего. Свои исследования он расценивал не более как «шаги» к такой науке. Намечая общие контуры этой будущей «дисциплины», Бейтсон руководствовался не вполне стандартной эпистемологией (в предисловии к публикации нет возможности ее рассмотреть), считая, что традиционная эпистемология создает порочные круги и фактически способствует непрерывному воспроизведению начальной стадии научного поиска, не давая ориентиров для продвижения дальше. Какой будет в конечном итоге та наука, к заложению основ которой Бейтсон стремился, он и сам точно не знал. Показательны в этом смысле строки из его предисловия к сборнику своих работ «Шаги к экологии разума» (1972): «Только в конце 1969 года я полностью осознал, что же я делаю... Я обнаружил, что в своей работе с примитивными народами, шизофренией, биологической симметрией и в своем недовольстве конвенциональными теориями эволюции и научения я определил широко разбросанный набор опорных или отправных точек, исходя из которых могла быть определена новая научная территория. Эти опорные точки я назвал «шагами»... По существу дела, исследователь никогда не может знать, что он изучает до тех пор, пока это не будет изучено. У него нет в кармане «Бедекера», который бы подсказал ему, в какую церковь ему следует заглянуть и в каком отеле ему следует остановиться. В его распоряжении есть лишь двусмысленный фольклор других, прошедших этот путь. Несомненно, более глубокие уровни разума направляют ученого или художника к опытам и мыслям, релевантным тем проблемам, которые являются каким-то образом его проблемами, и это руководство, видимо, действует задолго до того, как ученый обретет осознанное знание своих целей. Но как это происходит, мы не знаем...

Каждый год после трех или четырех занятий в рамках [читаемого мною] курса неизменно возникал вопрос: «О чем вообще этот курс?» [Однажды] на первом занятии я говорил о культурных различиях между Англией и Америкой. В конце занятия ко мне подошел студент. Бросив взгляд через плечо, дабы убедиться, что все другие вышли, он сказал в некоторой нерешительности: «Я хочу задать вопрос». — «Да». — «А вы... вы действительно хотите, чтобы мы усвоили то, что вы нам говорите?» Какое-то мгновение я колебался, что ему ответить, но тут он выпалил: «Или все это только пример, иллюстрация чего-то другого?» — «Да, конечно!» Но пример чего? С тех пор почти ка-

ждый год слух доносил до меня эту смутную жалобу. Предполагалось, что «Бейтсон знает что-то такое, о чем не говорит», или «за тем, что говорит Бейтсон, что-то скрывается, но он никогда не говорит, что это такое» (G. Bateson. *Steps to an Ecology of Mind*. L.: Intertext Books, 1972. P. XVIII-XIX).

Бейтсон, конечно, не остановился на констатации этой неопределенности; последнее десятилетие его жизни целиком посвящено определению того, примером чего являются выделенные им «опорные точки». Но нам, читая Бейтсона, надо постоянно иметь в виду, что, помимо, так сказать, «лицевого» их содержания, в них всегда присутствует и что-то другое — то, что сам он считал гораздо более важным. Следует иметь это в виду и при чтении публикуемого ниже перевода небольшого очерка Бейтсона о схизмогенезе. В заключение приведем краткую библиографию публикаций Бейтсона на русском языке и литературы, к которой можно обратиться в поисках биографических сведений и подробного анализа его идей:

1. Бейтсон Г. Двойная связь. Теория игры и фантазии // Социальные и гуманитарные науки. Сер. 11. Социология. М., 1998. № 3. (Полная, еще раз сверенная и исправленная версия перевода статьи «Теория игры и фантазии» готовится к публикации в конце 2000 г. в периодическом издании «Культурология. XX век (Дайджест)» в ИНИОН РАН).
2. Бейтсон Г., Джексон Д., Хейли Дж., Уикленд Дж. К теории шизофрении // Московский психотерапевтический журнал. М., 1993. №1-2.
3. Капра Ф. Уроки мудрости. М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. С. 63–79.
4. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. С. 54–87.
5. Harries-Jones P. *A Recursive Vision: Ecological Understanding and Gregory Bateson*. Toronto, 1995.
6. Lipset D. *Gregory Bateson: The Legacy of a Scientist*. Englewood Cliffs, 1980.
7. Marcus G. *A Timely Rereading of Naven: Gregory Bateson as Oracular Essayist // Representations*. 1985. Vol. 12. P. 66–82.
8. Tresch J. *Heredity Is an Open System: Gregory Bateson as Descendant and Ancestor // Anthropology Today*. L., 1998. Vol. 14. № 6. P. 3–6.

В.Г. Николаев

* * *

«Меморандум», составленный комиссией Совета по социально-научным исследованиям (Man, 1935, 162), побудил меня высказать точку зрения, которая в значительной степени отличается от точки зрения его авторов; и хотя начало этой статьи может показаться критикой их «Меморандума», я хотел бы сразу же пояснить, что считаю реальным вкладом в нужное дело всякую серьезную попытку разработать категориальный аппарат для изучения культурного контакта. Более того, поскольку в «Меморандуме» есть несколько мест (в том числе *Определение*), которые я не вполне понимаю, я выдвигаю критические замечания с некоторым колебанием, и направлены они не столько против самой комиссии, сколько против некоторых ошибок, господствующих в кругу антропологов.

1. *Применимость таких систем категорий*. Вообще говоря, недальновидно конструировать системы такого рода, пока не сформулированы четко те проблемы, которые они призваны прояснить; а насколько я понимаю, категории, разработанные комиссией, были сконструированы не в соотнесении с какими-то конкретно определенными проблемами, а с целью вообще пролить свет на «проблему» аккумуляции, в то время как сама эта проблема остается неясной.

2. Из этого следует, что нашей настоятельной потребностью сегодня является не столько конструирование набора категорий, которые прольют свет на весь круг проблем, сколько такая схематичная формулировка этих проблем, которая бы позволила исследовать их по отдельности.

3. Хотя комиссия оставляет затронутые ею проблемы без определения, из внимательного прочтения предлагаемых категорий можно в общих чертах выяснить, какие вопросы она ставит перед материалом. Похоже, на комиссию оказали серьезное влияние такого рода вопросы, какие задают антропологам администраторы: «Хорошо ли использовать силу в культурных контактах?», «Как мы можем заставить данный народ принять тот или иной элемент?» и т.п. Соответственно этому типу вопросов, мы обнаруживаем в определении аккумуляции акцент на культурном различии между группами, находящимися в контакте, и на результирующих изменениях; аналогичным образом, и такие дихотомии, как, например, между «элементами, навязанными народу силой

или принятыми им добровольно»¹, можно рассматривать как симптоматичные для подобного мышления в рамках административных проблем. То же самое можно сказать о категориях V (A, B и C) — «принятие», «адаптация» и «реакция».

4. Можно согласиться, что эти вопросы администраторов настоятельно нуждаются в ответах и что изучение культурных контактов, скорее всего, даст эти ответы. Однако научная формулировка проблем контакта почти наверняка не будет исходить из этих ориентиров. Это как если бы при конструировании категорий для изучения криминологии мы начали с дихотомического деления индивидов на преступных и не-преступных; и в самом деле, этой занимательной науке довольно долго мешала вот эта самая попытка определить «преступный тип».

5. «Меморандум» базируется на ошибочном представлении, что черты культуры можно классифицировать по таким рубрикам, как «экономические», «религиозные» и т.д. Нас, например, просят разбить эти черты на три класса, представленные, соответственно, по причине:

- а) экономической выгоды или политического господства;
- б) желательности производства конформности к ценностям донорской группы; и
- в) этических и религиозных соображений.

Эта идея, будто каждая черта выполняет либо одну-единственную функцию, либо, по крайней мере, какую-то одну функцию, преобладающую над остальными, приводит посредством дальнейшей ее экстраполяции к представлению, будто культура может быть подразделена на «институты», где черты, образующие в связке один институт, подобны друг другу в основных функциях. Слабость этого метода подразделения культуры была убедительно продемонстрирована Малиновским и его учениками, которые показали, что едва ли не всю культуру можно рассматривать и как механизм модификации и удовлетворения половых потребностей индивидов, и как механизм насаждения норм поведения, и как механизм обеспечения индивидов питанием². Исходя из

¹ Во всяком случае, очевидно, что при научном изучении процессов и естественных законов не может быть места для подобных ссылок на свободную волю.

² Ср. с работами Малиновского «Сексуальная жизнь аборигенов северо-западной Меланезии» и «Преступление и обычай в аборигенном обществе», а также работой О.И. Ричардс «Голод и труд». Этот вопрос о подразделении культуры на «институты» не настолько прост, как я указал, и, как мне кажется, лондонская школа, невзирая на собственные труды, до сих пор хранит верность теории, что на практике такое разделение все-таки осуществимо.

этого исчерпывающего доказательства, мы должны ожидать, что любая отдельная черта культуры будет оказываться при ближайшем рассмотрении не просто экономической, религиозной или структурной, а обладающей всеми этими качествами — в зависимости от точки зрения, с которой мы на нее смотрим. Если это верно для культуры, рассматриваемой в синхроническом срезе, то должно быть также применимо и к диахроническим процессам культурного контакта и изменения; и мы должны ожидать, что предложение, принятие или отвержение каждой черты будут иметь одновременно экономический, структурный, сексуальный и религиозный характер.

6. Отсюда вытекает, что применяемые нами категории «религиозное», «экономическое» и т.д. — не *реальные* подразделения, присутствующие в изучаемых нами культурах, а всего лишь *абстракции*, которые мы создаем для собственного удобства, когда собираемся описать культуры словами. Это не феномены, присутствующие в культуре, а этикетки для различных точек зрения, принимаемых нами в наших исследованиях. Работая с такими абстракциями, мы должны всячески избегать уайтхедовской «ошибки неуместной конкретности», в которую впадают, например, марксистские историки, когда утверждают, что экономические «явления» «первичны».

² (продолжение) Скорее всего, путаница вытекает из того, что некоторые коренные народы — возможно все, но во всяком случае народы Западной Европы действительно считают, что их культура таким образом делима. Свою лепту в такое подразделение вносят и различные культурные явления, как то (а) разделение труда и дифференциация норм поведения между разными группами индивидов в рамках одного и того же сообщества и (б) имеющийся в некоторых культурах акцент на подразделениях места и времени, согласно которым упорядочивается поведение. Эти явления производят в таких культурах возможность обозначения всего поведения, которое, скажем, имеет место в церкви по воскресеньям в промежутке между 11.30 и 12.30, как «религиозного». Но, даже изучая такие культуры, антрополог должен смотреть на свою классификацию черт по институтам с некоторой осторожностью и должен ожидать, что между различными институтами будет обнаруживаться значительная степень взаимного наложения.

Аналогичная ошибка допускается в психологии и состоит она в том, что поведение считают классифицируемым в соответствии с импульсами, которые его вызывают, например, делимым на такие категории, как «связанное с самосохранением», «самоутверждающее», «половое», «приобретательское» и т.д. Здесь путаница также происходит от того, что мыслить такими категориями склонен не только психолог, но и изучаемый индивид. Психологам не мешало бы принять вероятность того, что каждый бит поведения — по крайней мере в хорошо интегрированном индивиде — будет одновременно релевантным для всех этих абстракций.

Теперь, после этой преамбулы, мы можем обратиться к альтернативной схеме изучения феноменов контакта.

7. *Охват исследования.* Я предполагаю, что под рубрикой «культурный контакт» нам следует рассматривать не только те случаи, в которых контакт происходит между двумя сообществами с разными культурами и приводит к глубинной деформации культуры одной или обеих групп, но также случаи контакта внутри одного сообщества. В этих случаях контакт имеет место между дифференцированными группами индивидов, например, между полами, между старыми и молодыми, между аристократией и плебсом, между кланами и т.п. группами, которые живут вместе в приблизительном равновесии. Я бы даже расширил идею «контакта», включив в нее те процессы, посредством которых формируется и обучается ребенок, дабы приспособиться к культуре, в которой он родился³, однако, на данный момент мы ограничимся контактами между группами индивидов с разными культурными нормами поведения, принятыми в каждой из них.

8. Если мы рассмотрим возможные результаты радикальных нарушений равновесия, возникающих вследствие контактов между коренным образом различающимися сообществами, то увидим, что изменения должны приводить (с точки зрения теории) к одной или другой из следующих форм (patterns):

- а) полному слиянию первоначально разных групп;
- б) уничтожению одной или обеих групп;
- в) устойчивому сохранению обеих групп в состоянии динамического равновесия в рамках одного широкого сообщества.

9. Моя цель, когда я расширяю понятие контакта и включаю в него состояния дифференциации внутри одной отдельной культуры, состоит в том, чтобы, воспользовавшись нашими знаниями об этих состояниях покоя, пролить свет на факторы, действующие в состояниях нарушения равновесия. Можно легко добыть знание об этих факторах из их спокойной работы, но невозможно вычленивать их, когда они достигают предельной интенсивности. Наблюдение домов, разрушающихся во вре-

³ Настоящая схема ориентирована на изучение скорее социальных, нежели психологических процессов, однако, почти такую же схему можно было бы сконструировать для изучения психопатологии. В этом случае изучалась бы идея «контакта», особенно в контекстах формирования индивида, а процессы схиогенеза рассматривались бы как играющие важную роль не только в акцентировании неадекватных приспособлений девианта, но и в ассимиляции нормального индивида в его группу.

мя землетрясения, — не самый удобный способ изучения законов гравитации.

10. *Полное слияние.* Поскольку это один из возможных результатов рассматриваемого процесса, мы должны знать, какие факторы присутствуют в группе индивидов с согласованными гомогенными паттернами поведения у всех членов группы. Приближение к таким условиям можно найти в любом сообществе, находящемся в состоянии приблизительно равновесия, но наши сообщества в Европе, к сожалению, пребывают в настолько текучем состоянии, что в них эти условия возникают крайне редко. Более того, даже в примитивных сообществах эти условия обычно осложнены дифференциацией, и поэтому мы должны довольствоваться исследованиями таких гомогенных групп, какие можно наблюдать в рамках более широких дифференцированных сообществ.

Наша первая задача будет заключаться в установлении того, какого рода единство достигается внутри таких групп, или, скорее — имея в виду, что мы занимаемся *аспектами*, а не классами феноменов, — какие аспекты единства совокупности черт мы должны описать, чтобы приобрести целостное видение ситуации. Я допускаю, что материал, для полного его понимания, *должен* быть проанализирован, по крайней мере, в следующих пяти отдельных аспектах:

- *Структурный аспект единства.* Поведение любого отдельно взятого индивида в любом отдельно взятом контексте в некотором смысле когнитивно согласуется с поведением всех других индивидов во всех других контекстах. Здесь мы должны быть готовы к обнаружению того, что внутренняя логика одной культуры будет коренным образом отличаться от логики других. С этой точки зрения мы увидим, например, что когда индивид А дает что-то выпить индивиду В, это поведение согласуется с другими нормами поведения, которые приняты в группе, содержащей А и В.

Этот аспект единства корпуса поведенческих паттернов может быть переформулирован в терминах стандартизации когнитивных аспектов личностей индивидов. Мы можем сказать, что паттерны мышления индивидов стандартизованы таким образом, что их поведение кажется им *логичным*.

- *Аффективные аспекты единства.* При изучении культуры с этой точки зрения мы должны продемонстрировать эмоциональный фон (setting) всех конкретных деталей поведения. То есть увидеть всю совокупность поведения как слаженный механизм, ориентированный на аф-

фективное удовлетворение и неудовлетворение индивидов. Этот аспект культуры можно описать также в терминах стандартизации аффективных аспектов личностей индивидов, модифицированных их культурой так, что их поведение становится для них эмоционально согласованным.

- *Экономическое единство.* Здесь мы наблюдаем всю совокупность поведения как механизм, ориентированный на производство и распределение материальных объектов.

- *Хронологическое и пространственное единство.* В этом случае паттерны поведения схематически упорядочены соответственно времени и месту. К примеру, некий А дает выпить некоему В, «потому что дело происходит субботним вечером в баре “Синий Хряк”».

- *Социологическое единство.* Здесь мы увидим поведение индивидов ориентированным на интеграцию и дезинтеграцию более широкой единицы — группы в целом — передачу напитка как фактор, способствующий укреплению солидарности группы.

11. Помимо изучения поведения членов гомогенной группы со всех этих точек зрения, мы должны исследовать несколько таких групп, чтобы выявить следствия стандартизации этих различных точек зрения в людях, которых мы изучаем. Выше мы сказали, что каждый бит поведения должен рассматриваться как вероятным образом релевантный для всех указанных точек зрения, однако, факт остается фактом: некоторые люди в большей степени, чем другие, склонны видеть и словесно описывать свое поведение как «логичное» или «нацеленное на благо государства».

12. С этим знанием об условиях, существующих в гомогенных группах, мы получим возможность изучить процессы слияния двух разных групп в одну. Возможно, мы даже сможем прописать меры, которые будут способствовать такому слиянию либо его сдерживать, а также предсказать, что такая-то черта, удовлетворяющая пяти аспектам единства, может быть добавлена в культуру без привнесения других изменений. Если она им не удовлетворяет, мы можем искать подходящие модификации либо этой культуры, либо этой черты.

13. *Уничтожение одной или обеих групп.* Этот конечный результат, возможно, не так уж и достоин изучения, но мы должны, по крайней мере, проанализировать имеющийся материал, дабы определить, какого рода влияние оказывает такая враждебная деятельность на культуру выживших. Возможно, например, что паттерны поведения, свя-

занные с уничтожением других групп, впитаются в их культуру настолько, что они будут вынуждены уничтожать все больше и больше.

14. *Сохранение обеих групп в динамическом равновесии.* Это, вероятно, самый поучительный из возможных конечных результатов контакта, поскольку факторы, действующие в состоянии динамического равновесия, скорее всего, будут тождественны или аналогичны тем, которые в условиях нарушения равновесия являются факторами культурного изменения. Прежде всего мы должны изучить взаимоотношения, существующие между группами индивидов с дифференцированными паттернами поведения, после чего необходимо будет рассмотреть, какой свет проливают эти взаимоотношения на то, что обычно называют «контактами». Каждый антрополог, хотя бы раз выходящий в поле, имел возможность изучать такие дифференцированные группы.

15. Возможности дифференциации групп вовсе не бесчисленны, а четко подпадают под две категории: (а) случаи, в которых взаимоотношение главным образом *симметричное* (дифференциация половин, кланов, деревень и наций Европы); (б) случаи, в которых взаимоотношение *комплементарное* (дифференциация социальных страт, классов, каст, возрастных групп и, в некоторых случаях, культурная дифференциация между полами)⁴. Оба типа дифференциации содержат динамические элементы, так что при устранении определенных сдерживающих факторов дифференциация или раскол между группами прогрессивно возрастает, приводя либо к катастрофе, либо к новому равновесию.

16. *Симметричная дифференциация.* К этой категории можно отнести все те случаи, в которых индивиды в двух группах А и В имеют одни и те же устремления и одни и те же поведенческие паттерны, но дифференцируются по направленности этих паттернов. Так, члены группы А проявляют в отношении друг друга паттерны поведения А, В, С, но во взаимодействиях с членами группы В принимают паттерны X, Y, Z. Аналогичным образом группа В принимает во внутренних взаи-

⁴ Ср.: Margaret Mead. *Sex and Temperament*, 1935. Из сообществ, описанных в этой книге, арапши и мундугумор имеют преимущественно симметричные взаимоотношения между полами, в то время как чамбули — комплементарные. У проживающего в том же арсал племена ятмул, которое я изучал, взаимоотношения между полами комплементарны, но скорее по другим основаниям, чем у чамбули. В скором времени я надеюсь опубликовать книгу о ятмул, где будут содержаться очерки, описывающие их культуру с точек зрения а, б и д, приведенных в параграфе 10 (См.: G. Bateson. *Naven*. Cambridge; NY, 1937; 2nd ed. Stanford. London, 1958).

действиях паттерны А, В, С, но во взаимодействии с группой А проявляет X, Y, Z. Итак, устанавливается положение, при котором поведение X, Y, Z оказывается стандартным ответом на X, Y, Z. Это положение содержит элементы, могущие привести к прогрессирующей дифференциации, или *схизмогенезу*, по одним и тем же направлениям. Например, если паттерны X, Y, Z включают хвостовство, то мы увидим, что когда ответом на хвостовство является хвостовство, существует шанс, что каждая группа будет подталкивать другую к чрезмерному акцентированию этого паттерна, и этот процесс, если его ничто не будет ограничивать, может вести лишь к все более и более крайнему соперничеству, а, в конечном счете, к вражде и разрушению всей системы.

17. *Комплементарная дифференциация*. К этой категории мы можем отнести все те случаи, в которых поведение и устремления членов двух групп фундаментально различны. Так, члены группы А в обращении друг с другом демонстрируют паттерны L, M, N, а во взаимодействиях с группой В проявляют паттерны O, P, Q. В ответ на O, P, Q члены группы В проявляют паттерны U, V, W, но в отношениях между собой принимают паттерны R, S, T. Таким образом, складывается положение, когда O, P, Q является ответом на U, V, W, и наоборот. Эта дифференциация может стать прогрессирующей. Например, если ряд O, P, Q включает паттерны, трактуемые в культуре как проявления напористости, тогда как U, V, W включает культурную уступчивость, существует вероятность того, что уступчивость будет способствовать еще большей напористости, а та, в свою очередь, будет способствовать еще большей уступчивости. Этот схизмогенез, если его не ограничить, ведет к прогрессивному одностороннему искривлению личностей членов обеих групп, что приводит к взаимной вражде между ними и должно закончиться крушением системы.

18. *Взаимность*. Хотя отношения между группами в широком смысле можно подразделить на две категории — симметричные и комплементарные, — это подразделение оказывается в какой-то степени смазанным из-за еще одного типа дифференциации, который мы можем описать как *взаимный*. В этом типе членами каждой группы в их взаимодействиях с другой группой принимаются поведенческие паттерны X и Y, но вместо симметричной системы, в которой X было бы ответом на X, а Y — ответом на Y, здесь мы находим, что ответом на Y является X. Таким образом в каждом отдельно взятом случае поведение асим-

метрично, однако, в большом числе случаев восстанавливается симметрия, поскольку иногда группа А проявляет X, в ответ на что группа В проявляет Y, а иногда группа А проявляет Y, в ответ на что группа В проявляет X. Случаи, когда группа А иногда продает саго группе В, а последняя иногда продает этот же товар А, можно рассматривать как взаимные; но если группа А привычным образом продает группе В саго, в то время как последняя привычным образом продает группе А рыбу, этот паттерн мы должны, на мой взгляд, рассматривать как комплементарный. Можно отметить, что взаимный паттерн компенсируется и уравнивается внутри самого себя и, следовательно, не имеет тенденции к перерастанию в схизмогенез.

19. *Ориентиры для исследования*:

– Нужен добротный обзор типов поведения, которые могут вести к схизмогенезу симметричного типа. В настоящее время можно лишь указать на состязательность в хвостовстве и коммерческое соперничество, но, несомненно, можно найти и много других паттернов, которые будут сопровождаться тем же типом последствий.

– Необходимо также обзор типов поведения, которые взаимно комплементарны и ведут к схизмогенезу второго типа. Здесь мы можем лишь привести в качестве примера напористость и уступчивость, эксгибиционизм и восхищение, заботу и ответные выражения беспомощности, а также, вдобавок к этому, различные возможные сочетания этих пар.

– Нам не обойтись без в верификации предположенного выше общего закона, когда две группы проявляют комплементарное поведение в отношении друг друга, внутреннее поведение между членами группы А обязательно должно отличаться от внутреннего поведения между членами группы В.

– Мы нуждаемся в систематическом исследовании схизмогенезов обоих типов с различных точек зрения, описанных в параграфе 10. Сейчас я рассмотрел материал лишь с этнологической и структурной точек зрения (параграф 10, аспекты а и б). Вдобавок к тому, марксистские историки дали нам картину экономического аспекта комплементарного схизмогенеза в Западной Европе. Похоже, однако, что сами они оказались под чрезмерным влиянием того схизмогенеза, который изучали, и, как следствие этого, были склонны к преувеличению.

– Нам следует хотя бы что-то знать о частоте взаимного поведения во взаимоотношениях, которые являются преимущественно симметричными или комплементарными.

20. *Сдерживающие факторы.* Но еще больше, чем в изучении любой из проблем, перечисленных в предыдущем параграфе, мы нуждаемся в изучении факторов, сдерживающих оба типа схизмогенеза. В настоящий момент нации Европы далеко зашли в симметричном схизмогенезе и готовы перегрызть друг другу глотки, в то время как внутри каждой нации наблюдается нарастающая враждебность между различными социальными стратами, то есть налицо симптомы комплементарного схизмогенеза. Таким же образом и в странах, управляемых новыми диктатурами, мы можем наблюдать ранние стадии комплементарного схизмогенеза, когда поведение приближенных все больше толкает диктатора к гордыне и самоуверенности.

Задача настоящей статьи не в том, чтобы дать ответы на вопросы, а в том, чтобы предложить проблемы и линии исследования, однако, некоторые предположения относительно факторов, контролирующих схизмогенез, можно предварительно сформулировать уже сейчас:

а) возможно, что в действительности ни одно здоровое уравновешенное взаимоотношение между группами не бывает ни чисто симметричным, ни чисто комплементарным, а каждое такое взаимоотношение содержит в себе элементы другого типа. По правде говоря, легко классифицировать взаимоотношения, относя их к одной или другой категории соответственно преобладающим в них акцентам, однако, возможно, что даже небольшая примесь комплементарного поведения в симметричном взаимоотношении или самая небольшая примесь симметричного поведения в комплементарном взаимоотношении может вести в перспективе к стабилизации положения. Примеры этого типа стабилизации, наверное, самые что ни есть обыденные. Сквайр находится в преимущественно комплементарном и не всегда удобном для него взаимоотношении со своими крестьянами, но если он хотя бы раз в год участвует в деревенском крикете (симметричное соперничество), то это может оказывать курьезно несоразмерное воздействие на его взаимоотношение с ними;

б) не подлежит сомнению, что в случаях вроде приведенного выше, в котором группа А продает саго группе В, а последняя продает рыбу группе А, комплементарные паттерны могут иногда оказывать ре-

альное стабилизирующее воздействие, укрепляя взаимную зависимость между группами;

в) возможно, присутствие во взаимоотношении некоторого множества элементов подлинной взаимности имеет тенденцию его стабилизировать, не допуская схизмогенеза, который мог бы в противном случае возникнуть либо из симметричных, либо из комплементарных элементов. Однако, судя по всему, это была бы в лучшем случае очень слабая защита: с одной стороны, если мы рассмотрим последствия симметричного схизмогенеза для паттернов взаимного поведения, то увидим, что последние имеют тенденцию становиться все менее и менее выраженными. Так, например, по мере того как индивиды, составляющие нации Европы, все глубже втягиваются в свои симметричные международные соперничества, они постепенно перестают вести себя взаимным образом, сознательно сводя к минимуму свое прежнее взаимное торговое поведение⁵. С другой стороны, если мы рассмотрим воздействия, оказываемые на паттерны взаимного поведения комплементарным схизмогенезом, мы увидим, что одна половина взаимного паттерна подвержена атрофии. Там, где прежде обе группы проявляли и Х, и Y, постепенно складывается система, в которой одна из групп проявляет только Х, а другая — только Y. Поведение, которое прежде было взаимным, по существу сводится к типичному комплементарному паттерну и после этого, скорее всего, будет вносить вклад в комплементарный схизмогенез;

г) не подлежит сомнению, что любой тип схизмогенеза между двумя группами может сдерживаться факторами, которые объединяют эти две группы либо в лояльности, либо в оппозиции к какому-то внешнему элементу. Таким внешним элементом может быть символический индивид, вражеский народ или какое-то совершенно безличное обстоятельство; лев запросто ляжет рядом с ягненком, если идет достаточно сильный дождь. Необходимо заметить, что в случае, когда внешним элементом является некое лицо или группа лиц, взаимоотношение комбинированных групп А и В с внешней группой само по себе всегда будет

⁵ В этом, как и в других приведенных примерах, не предпринимается никаких попыток рассмотреть схизмогенез со всех точек зрения, перечисленных в параграфе 10. Таким образом, поскольку экономический аспект здесь не рассматривается, влияние экономического спада на схизмогенез игнорируется. Полное исследование подразделялось бы на отдельные секции, в каждой из которых трактовался бы один из аспектов изучаемых явлений.

потенциально схизмогеническим взаимоотношением того или другого типа. Анализ многочисленных систем этого типа крайне обязателен, и в особенности нам нужно побольше узнать о системах (например, военных иерархиях), в которых искривление личности в средних слоях иерархии модифицируется вследствие того, что индивидам дается возможность проявлять уважение и послушание во взаимоотношениях с высшими группами, проявляя в то же время требовательность и гонор в обращении с подчиненными;

д) при нынешней ситуации в Европе существует еще и другая возможность — особый случай контроля посредством отвлечения внимания на внешние обстоятельства. Возможно, люди, ответственные за политику классов и наций, могли бы осознать те процессы, которыми они играют, и установить сотрудничество в попытках разрешить проблемы. Это, видимо, маловероятно, поскольку антропологии и социальной психологии недостает необходимого престижа, чтобы давать советы, а без таких советов правительства будут скорее продолжать реактивно отвечать на реакции друг друга, нежели задумываться об обстоятельствах.

21. В заключение можно обратиться к проблемам администратора, столкнувшегося с «черно-белым» культурным контактом. Первая его задача — решить, какой из конечных результатов, схематично описанных в параграфе 8, желателен и может быть достигнут. Это решение он должен принять без всякого лукавства. Если он выбирает слияние, он должен изо всех сил стараться предпринимать каждый шаг таким образом, чтобы это способствовало тем условиям согласованности, которые приведены (как проблемы для изучения) в параграфе 10. Если он решает, что обе группы необходимо удержать в какой-либо форме динамического равновесия, он должен стараться установить такую систему, в которой бы разные возможности схизмогенеза должным образом компенсировали или уравновешивали друг друга. Но на каждом этапе в схеме, которую я обрисовал, возникают проблемы. Они должны быть изучены профессиональными учеными и которые, будучи решенными, внесут вклад не только в прикладную социологию, но и в самые основания нашего понимания существования людей в обществе.

Перевод В.Г.Николаева

ЭРВИНГ ГОФФМАН

«Я» И ДРУГОЙ*

От переводчика

Эрвинг Гоффман (1922–1983) — американский социолог канадского происхождения, признанный классик социологии второй половины XX века, подлинный мастер микросоциологического анализа. Область влияния его идей не ограничивается одной только социологией, а простирается гораздо шире; его пронизательный анализ взаимодействия «лицом к лицу» в повседневной жизни оказал и продолжает оказывать существенное влияние на многочисленные смежные с социологией дисциплины (антропологию, психологию, психиатрию, коммуникативистику, лингвистику, криминалистику и т.д.). Больше всего Гоффман известен как основоположник так называемого «социально-драматургического» подхода в социологии и как автор книги «Представление себя в повседневной жизни» (1959), в которой получила развитие концепция «управления впечатлениями»¹.

По правде говоря, некоторые основания выделять в интеллектуальной биографии Гоффмана именно эти стороны есть, в частности, упомянутая книга выдержала из всех его книг наибольшее число переизданий, в одно время переиздавалась практически ежегодно, а ее совокупный тираж превысил все мыслимые и немыслимые для научной литературы пределы, уже в 1980 году перевалив за полмиллиона (!) экземпляров (вообще, Гоффман — один из немногих социологов, чьи книги неизменно становились бестселлерами в самом прямом смысле этого слова). При всем при том следует сказать, что упомянутое расхожее представление о Гоффмане слишком сужает, принижает и упрощает общую сумму того, чем он занимался, и того, что он сделал. Не пытаясь выполнить невыполнимую задачу, а именно резюмировать в уз-

* Перевод выполнен В.Г.Николаевым по изданию: Goffman E. Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. NY.: Simon & Schuster, Inc., 1963. P. 129–139.

¹ Мы рады отметить, что совсем недавно издательство Канон-пресс выпустило русский перевод этой книги (См.: Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000).

Гоффман Эрвинг (1922–1982) — американский социальный ученый, представитель символического интеракционизма.